

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.Ю. Загрякина

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРАНЦУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ *PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE*)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена обозначениям в языке референций культуры, формирующих и отражающих чувство идентичности ее носителей. Среди них образ «своего пространства», который маркируется и формируется при помощи особых слов, относящихся и к языку, и к культуре. С учетом работ Ф. Броделя, П. Нора, Р.А. Будагова, Л. Февра, А. Рея, М. Озуф и др. обосновывается понятие «форс-слов» (*mots-force / lieux de force*), имеющих длительную историю, отражающих культуру и ценности коллектива, обладающих эмоциональной силой и исторически изменчивых. На материале словарей, научных, научно-популярных и художественных текстов, интернет-сайтов устанавливаются два полюса представлений французов о самих себе. Первый маркируют лексемы, ассоциированные с гражданским обществом (*Patrie — Nation — Etat / Nation, Contract, Drapeau, République*). Второй реконструируется в статье на основе лексем *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (мн. ч.) и ассоциируется с ценностями частной жизни, идеей родной земли, локальной и семейной памятью. На примере указанных лексем выявляется, что характер форс-слов и направленность их развития не являются раз и навсегда данными: в одних обстоятельствах происходит развитие идентифицирующей функции слова, в других — ослабление форс-слова и утрата им силы эмоционального воздействия и способности быть маркером идентичности.

Ключевые слова: французский язык; форс-слова; группы форс-слов; родная земля; «национальный пейзаж»; терруар; деревня; культурная идентичность; коллективные представления

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Загрякина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru.

© Загрякина Т.Ю., 2024

Для цитирования: Загрязкина Т.Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем *pays-paysage-terroir-village*) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 106–123.

Изучение номинаций, детерминирующих место человека в ментальном пространстве, привлекает внимание многих исследователей в связи с разработкой концепций идентичности.

Обозначения референций культуры в этом контексте уже рассматривались на страницах нашего журнала [Раевская, 2012; Шевлякова, 2019]. В частности, была установлена мотивация наименований, используемых в теориях мест / lieux («вехи памяти», «места памяти» — Ю.Н. Караулов, П. Нора, «места знания» — Ш. Жакоб, Н.В. Никифорова; «не места» — М. Оже и др.). Использовались и другие обозначения дифференциальных признаков культуры: Ф. Барт пишет о «знаках, сигнализирующих об идентичности» и о «средствах символического различения», И. Плассеро — о «знаковых символических атрибутах»; все чаще используется наименование «маркер» [Загрязкина, 2023: 38 и др.]. Референты этих и других номинаций имеют разную семиотическую природу: это может быть костюм, кухня, традиции и коллективные практики, язык и отношение к языку и т.д. Важной референцией является «территория коллективной идентичности», имеющей инфра- и супранациональные уровни [Филиппова, 2010], образы этой территории и ее границ.

Проблема взаимодействия слова и образа, рассмотренная С.А. Аскольдовым-Алексеевым в одном из ранних исследований концепта [Аскольдов-Алексеев, 1928], до сих пор остается актуальной. По этому принципу построен, в частности, словарь русской культуры Ю.С. Степанова, в котором автор следует тезису о «неслучайности именовании в культуре» «как обобщенному положению, как принципу» своего исследования [Степанов, 2004: 69]. Описывая методики изучения концепта, З.Д. Попова и И.А. Стернин начинают с выбора «ключевого слова» — «имени заданного концепта» [Попова, Стернин, 2001: 14]. Между тем изучение ключевых слов, относящихся и к языку, и к культуре, может быть самостоятельным объектом исследования. Этой теме посвящена данная статья, выполненная на французском материале.

В работе “L’identité de la France” (в русском переводе: «Что такое Франция?») Ф. Бродель подчеркнул роль «идеальных образов и заветных слов» в процессе поиска нацией самой себя [Бродель, 1994: 12]. К проблеме «особых» слов языка, характеризующего культуру, эпоху, творчество писателя или особенности отдельного произведения, обращались многие специалисты, использовавшие близкую, но

не тождественную терминологию: *ключевые слова* (А. Вежицкая; А.Д. Шмелев), *слова-ключи*, *mots-clé* (Р.А. Будагов), *mots-force* (Л. Февр), *lieux de force* (А. Рей) и др. Вопрос о том, считать ли «особый» характер такого слова постоянным или переменным для данного языка и культуры, авторы решают по-разному. Р.А. Будагов [Будагов, 2002], Л. Февр [Febvre, 1996], А. Рей [Rey, 2004] полагали, что этот признак не является постоянным. Так, в книге “*Honneur et Patrie*”, написанной в 1940-х годах и опубликованной только в 1996 г., историк Л. Февр (основатель школы Анналов) обосновывал понятие форс-слов (*mots-force*) как «старых» слов языка, имеющих длительную историю, богатых по своему значению и обладающих большой эмоциональной силой. По образному выражению Февра, форс-слова «оставляют след в нашем сознании и в минуту слабости или другую тяжелую минуту побуждают нас к действию или бездействию» [Febvre, 1996: 56].

На материале лексики французской революции он выявил пары и группы таких слов, связанных между собой изменчивыми отношениями. Форс-слова того времени “*Honneur*” (Честь) и “*Patrie*” (Родина) сформировали, с его точки зрения, две группы слов: 1) *Honneur — Famille — Fidélité* (Честь — Семья — Верность), отсылающая к семейным и вассальным чувствам дворянства, и 2) *Patrie — Nation — Etat* (Родина — Нация — Государство), отражающая преданность Республике и готовность действовать в ее защиту. Маркеры языка и культуры дворянства / революционного народа были широко представлены в дискурсах революционного десятилетия как противоположные. Февр показал, как с развитием французской революции эмоциональное воздействие группы *Honneur — Famille — Fidélité* ослабевало, а воздействие группы *Patrie — Nation — Etat* усиливалось. В период Директории ситуация изменилась на противоположную: революционный вокабуляр эмоционально «износился», «устал» и утратил силу [Febvre, 1996]. В современном французском политическом дискурсе лексема *Patrie* отошла на второй план, но ценности Республики (*République*) сохраняют свою силу.

Соглашаясь с тем, что дискурс об идентичности, или «идентитарный нарратив», имеет ритуализованный характер [Филиппова, Ле Торривелек, 2018], можно утверждать, что встречающиеся в нем особые слова и образы образуют референтную сеть. Вслед за Л. Февром с учетом работ Р.В. Будагова и А. Рея мы определяем эти лексемы как форс-слова («сильные слова», «места силы»), имеющие длительную историю, отражающие культуру и ценности коллектива, обладающие эмоциональной силой и исторически изменчивые. В статье предлагается подход, заключающийся: а) в выделении форс-слов; б) рассмотрении их семантики в развитии; в) учете их

эмоционального воздействия; г) установлении взаимодействия слов в группах (цепочках), образованных на основе смежности, в разные периоды жизни общества.

В качестве точки отсчета используем фрагмент из книги французского историка Моны Озуф “Composition française: retour sur une enfance bretonne” [Ozouf, 2009], находящейся на перекрестке жанров — научного, научно-популярного, автобиографического. Через столетие М. Озуф ведет диалог со своим соотечественником, как и она, выходцем из Бретани Е. Ренаном — писателем и общественным деятелем, заложившим основу трактовки понятия *Nation / Нация* во французском политическом дискурсе. Вопрос о множественной идентичности французов рассматривается в книге М. Озуф сквозь призму истории страны, региона Бретань и собственной семьи автора.

В этой работе М. Озуф развивает мысль о двух концепциях в коллективных представлениях французов о себе самих — абстрактной и конкретной. На абстрактном полюсе находятся представления о Франции как «продукте разума»: <> «это **нация** политическая и гражданская, созданная сознательным объединением людей, проистекающим из [общественного] **договора**, в меньшей степени унаследованная, в большей — построенная. Это **нация**, чья мощная простота, полученная путем искоренения различий, объединяет всех под складками одного **знамени**. Франция, таким образом — это **побежденное** разнообразие» (здесь и дальше перевод наш. — Т.З.) [Ozouf, 2009: 13]. Противоположный полюс связан с конкретным началом: это «Франция ни гражданская, ни политическая, состоящая из этнической и культурной идентичности “**краев**” (“*pays*”) в старом значении этого слова (термина), которые ее составляют; результат отложений на протяжении очень долгой истории; конкретная и не абстрактная, разнообразная (обильная) и непростая, состоящая из живой толщи **возделанных участков** (*terroirs*), **пейзажей** (*paysages*), **деревень** (*villages*), **языков** (*langues*), тысяч способов жить и умирать, которые вписаны в образ Гексагона. Франция в этом случае — это **допущенное** разнообразие» [Ozouf, 2009: 13–14]¹ (выделено нами. — Т.З.).

История взаимодействия полюсов была не простой, а в иные времена весьма напряженной. Текст книги содержит сильный эмо-

¹ La France, ni civique ni politique, est faite de l'identité ethnique et culturelle des “pays” au sens ancien du terme, qui la composent; fruit des sédimentations d'une très longue histoire; concrète et non abstraite, profuse et non pas simple; faite de l'épaisseur vivante de ses terroirs, de ces paysages, de ses villages, de ses langues, des mille façons de vivre et de mourir qui se sont inscrites dans la figure de l'Hexagone. La France, cette fois, c'est la diversité assumée [Ozouf, 2009: 13–14].

циональный заряд, который ощущает каждый, кто берет ее в руки. Один полюс идентичности французов, маркированный у Озуф лексемами *Nation, Contract, Drapeau* (Нация, [общественный] Договор, Знамя), вполне сопоставим с группой форс-слов Февра *Patrie — Nation — Etat*, получившей особую насыщенность в период французской революции. Мы предполагаем, что второй полюс может быть реконструирован на основе лексем, имеющих иную референцию: это цепочка *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (Края, Пейзажи, Участки земли, Деревни, [местные] Языки). Первый полюс маркирован абстрактными понятиями и обобщенными лексемами (ед.ч.), возвышенными и как бы парящими над землей, второй — лексемами более конкретного содержания, имеющими множественную референцию (мн.ч.), связанными с частной жизнью человека, ощущающего связь со «своей» землей. В первом контексте выражена идея насилия (*la diversité vaincue* / побежденное разнообразие), во втором — допущения (*la diversité assumée* / допущенное разнообразие).

В статье анализируются первые четыре компонента второй цепочки, а именно *Pays-Paysages, Terroirs, Villages*, с учетом словарей, ряда текстов и интернет-сайтов. Пятый компонент *Langues* ([местные] языки) является отдельным объектом исследования, к которому автор этих строк неоднократно обращалась в других публикациях [например: Загряжская, Крюкова и др., 2021], и в данной статье он не рассматривается.

Pays, m

Это самое старое из всех слов цепочки. По данным этимологического словаря А.-Ж. Греймаса, его первая письменная фиксация относится к X в.; слово восходит к лат. <ragensis, житель сельской общины <лат. *ragus, ragi* — сельская община)². Лексема “pays” в контексте Озуф помещена в кавычки как цитата из прошлого. Автор специально отмечает, что она используется в «старом значении термина», т.е. в значении (*родной*) край; родная земля. Действительно, первое и основное значение слова в старофранцузском языке — край, местность (*région, contrée*) с учетом этимона — сельская местность. В памятниках XII в. появляется производное *raisant* — крестьянин, житель сельской местности, что укрепляет ассоциативную связь *pays* с обитаемым пространством сельской местности. Начиная с XIII в. в текстах фиксируется сочетание *pays natal*, содержащее эмоциональную коннотацию (*родной край*).

² Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P., 1968. P. 465.

В современном языке сохраняется референция обитаемого пространства, однако историческое значение слова перемещается с первого места на третье. Согласно словарю *Trésor de la langue française (TLF)*³, значения слова располагаются от более абстрактного и общего к более конкретному и частному. Первое значение слова — *страна*, ассоциированная с идеей нации и государства (*Nation, Etat*). Вторая группа значений отсылает к *части* нации и государства: *провинция, регион, кантон*; происходит конкретизация понятия, упоминается связь с привычками, традициями. Третья группа сохраняет историческое значение «места, где человек родился» — конкретного, ограниченного пространства (*petite ville, village / небольшой город, деревня*). Отмечаются семы изолированности, некоторой отсталости: *un pays perdu*, а также эмоциональные коннотации слова — теплое чувство по отношению к родной земле, ностальгия, настолько сильная, что может ассоциироваться с болезнью, например во фразеологическом обороте (*avoir*) *le mal, la maladie du pays*, букв.: болеть (тосковать) по родному краю. Слово в данном значении Февр назвал «вечным» (*un vieux mot de toujours*) [Febvre, 1996: 57], в этом значении оно включается в цепочку *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Landscapes*.

Paysage, m

Лексема *paysage* — производная от *pays*. Согласно TLF⁴, она впервые зафиксирована в середине XVI в. как термин изобразительных искусств, однако практически сразу стала использоваться и в общем значении «общий вид края, который можно охватить взглядом». В современном языке оно стало первым значением слова: «общий вид, который представляет природа края, региона» (*vue d'ensemble, qu'offre la nature, d'une étendue de pays, d'une région*). Таким образом, речь идет об образе природы ограниченного участка земли / региона, а не страны в целом. Лексема не имеет столь длительной истории, как другие компоненты цепочки, и не всегда обладает большой силой воздействия. Между тем его можно считать форс-словом при определенных условиях: в ассоциативном ряду с лексемами *pays, terroirs, villages*, в котором оно приобретает эмоциональную окраску как зрительный образ, конкретизирующий и усиливающий воздействие других компонентов цепочки.

Кроме того, в истории культуры Франции был период, когда слово и образ *paysage* оказывали сильное воздействие на коллектив-

³ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/pays#top> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française (TLF). URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/paysage#top> (дата обращения: 01.10.2023).

ные представления французов. Как отметила Ф. Кашен, в середине XIX в. пейзаж стал главным жанром Салона парижской Академии изящных искусств. При этом художники того времени предпочитали не величественный и яркий пейзаж, где были бы изображены горы, водопады, грандиозные места, а ландшафт центральной Франции — архетипический, «национальный» пейзаж, «где все возделано, посажено, обжито, где [слышен] звук колокольни, шагов, железной дороги. Это природа Энциклопедии, освоенная и преобразованная людьми и техникой». В работах Барбизонской школы и других живописцев — Моне, Писсаро, Дюпре, Руссо, Коро, Сезанна — предстает скромная, уравновешенная Франция; изображаются полевые работы, прогулки на природе, охота и рыбалка; те же сцены можно увидеть на тканях, фарфоре, календарях как символ родной, «домашней» Франции (*la France de chez nous*) [Cachin, 1986: 463].

Идентифицирующая роль пейзажа раскрывается и в художественной литературе XIX в. — О. Бальзака, Э. Золя, Ж. Санд и других французских писателей XIX в. Обратив взор на жизнь французской глубинки, они с удивлением и восхищением обнаружили «другую» культуру, находящуюся не далеко, а совсем рядом — культуру сельского жителя с его чувством земли и коллективными ценностями. В контексте руссоистских идей и новых веяний городская цивилизация начинает проигрывать сравнение с сельской патриархальной культурой.

Приведем в качестве примера зарисовки французской провинции в романе Бальзака «Крестьяне» (*Les Paysans*), в которых писатель активно использует пейзаж в идентифицирующей функции. Подчеркивается, что это «французская земля»; в отличие, вероятно, от пространства города. Приехавший в провинцию и «остолбеневший от изумления» парижанин видит в ней «что-то дикое, неприлизанное, таинственное и необычное». Между тем само описание говорит об обратном: воссоздается не дикая и необузданная природа, а умиротворяющий пейзаж, освоенный и обработанный человеком. Если в зарисовках провинции и есть доля «дикости», то она строго отмерена и дозирована. Ровно настолько, чтобы сквозь декоративную заброшенность и безлюдность заметить след деятельности человека, уходящей в сакральное прошлое: «От этих уединенных и покрытых пылью флигелей идет великолепная дорога, обсаженная вековыми вязами, развесистые кроны которых, склоняясь друг к другу, образуют длинный величественный свод. Аллея поросла травой; чуть приметен на ней двойной след, проложенный колесами экипажа. Древний возраст вязов, ширина двух боковых аллей для пешеходов, почтенный вид флигелей, потемневшие от времени каменные

пилястры — все говорит нам о въезде чуть ли не в королевский замок»⁵.

Как видно из приведенного контекста, за локальным (суланжским) пейзажем просвечивает «национальный», вневременной ландшафт, общее место памяти; время как будто останавливается и оставляет человека размышлять о себе и своих корнях.

Между тем в ряде других зарисовок романа дистанция между прошлым и настоящим сокращается, они описаны реалистично и даже натуралистично. Происходит обратное движение от «национального» пейзажа к локальному: «К дому примыкал маленький виноградник, примерно с арпан, обнесенный живой изгородью и заботливо обработанный, как у всех местных крестьян: земля была так хорошо удобрена, лозы так умело посажены и окопаны, что ветви их начинают зеленеть первыми на три лье в округности. За тою же оградю кое-где покачивались жидкие верхушки фруктовых деревьев — миндальных, абрикосовых и слив. Между виноградными лозами обычно сажали картофель и бобы. Кроме того, к усадьбе принадлежал еще расположенный позади дворика и вытянутый по направлению к деревне участок, сырой и низменный, удобный для разведения излюбленных овощей рабочего люда — капусты, чеснока и лука — и огороженный плетнем с широкой калиткой, в которую проходили коровы, мяся копытами землю и роняя по пути навозные лепешки»⁶. Конкретная и приземленная коннотация, таким образом, чередуется с надтерриториальной, оторванной от конкретного места, «вечной».

Идентифицирующая функция пейзажа получила новое подтверждение в контексте литературного движения регионалистов (*Mouvement littéraire régionaliste*) конца XIX — первой трети XX в. Движение достигло своего пика в 1900–1930 гг., но как целостное направление прекратило существование после II мировой войны [Thièse, 1988].

Поэты и писатели-регионалисты стремились географически локализовать действие и ввести буколические мотивы, показав красоту родной природы во всех деталях: «Вечер. Слышится песня древесных лягушек. А в цветущей изгороди уже ютились синицы и малиновки. Дрозды, коноплянки, снегири. . .» [цит. по: Thièse, 1988: 225] Автор этого отрывка, Огюст Го (Auguste Gaud) из Пуату, как и другие авторы, очень скоро был забыт. Между тем в период расцвета движения произведения регионалистов были востребованы, быстро распространялись, парижские издатели создавали коллекции

⁵ Бальзак О. Крестьяне. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/285736-2-onore-balzak-krestyane.html#text> (дата обращения: 02.05.2023).

⁶ Там же.

“Pays de France”, “Le roman des provinces françaises”, “Provinces françaises”. Начав с поэзии, регионалисты перешли к прозе; романы изучались в школах, составляли корпус диктантов, получали литературные премии (Гонкуровские премии 1907–1925 гг., Гран-при по литературе французской академии 1917–1936 гг. и др.). Таким образом, вся страна знакомилась с пейзажами регионов Франции.

Village, m

Старофранцузское *vile, ville* <лат. *villa*- (дом в сельской местности) имело несколько производных с разными суффиксами: *vilel, vilete, viloi, viloir* и др.⁷

По данным TLF, лексема с суффиксом *-age, villaige* <лат. *villagium* зафиксирована в 1385 г., в том же значении деревенского дома⁸. В современном языке оно имеет несколько значений. Первым отмечено значение сельского поселения как *группы жилых домов (groupe d’habitations)*. В словаре приводятся знаковые места, отражающие представление о деревенском сообществе: *les maisons du village serrées autour de leur clocher / деревенские дома, сгрудившиеся вокруг колокольни; cimetièrre, église, place du / d’un village / кладбище, церковь, площадь*. Эти места напоминают о корнях, религиозных традициях и коллективных практиках и подчеркивают роль семейной и коллективной памяти. Среди других референций — отъезд и возвращение в деревню; оба действия имеют символическое значение отрыва и нового присоединения к деревенскому миру: *quitter, revoir son village retourner au village*. Среди частотных определений указание на региональную принадлежность — бретонскую, лотарингскую и др.

Второе значение слова образует оппозицию с городом: *campagnard, paysan, villageois (сельский житель) — citadin (городской житель)*; номинации сельского жителя преобладают и могут иметь сниженные коннотации. Палитра коннотаций лексемы во фразеологизмах довольно разнообразна: от высокомерно-уничжительной (*être parée comme une épousée de village / быть разодетой, как деревенская невеста*) до снисходительных (*coq de village / первый парень на деревне, буквально: деревенский петух; être de son village / быть слишком наивным*).

Приводятся также конкретные обозначения деревенских практик (*fête, nocce de village / деревенский праздник, деревенская свадьба*), профессий и рода занятий, занимающих особое положение в дере-

⁷ Greimas A.J. Dictionnaire de l’ancien français jusqu’au milieu du XIVe siècle. P. 666.

⁸ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/village#top> (дата обращения: 01.10.2023).

венской иерархии: *barbier, curé, médecin de village* / *деревенский парикмахер, кюре, врач*. Эти номинации лишены в словаре явных отрицательных или уничижительных коннотаций. Ср. также заглавие романов Бальзака *Le Curé de village* и *Le Médecin de campagne*.

Писатели XIX — начала XX в. заставили общество присмотреться не только к сельскому пейзажу (см. выше), но и к сельскому миру и сельскому жителю. Так, в романе Бальзака «Крестьяне» (*Les Paysans*) присутствие человека в пейзаже становится физически зримым: «Вдали открывается первая панорама: мельница с запрудой, насыпная дорога, обсаженная деревьями, утки, развешанное белье, дом с соломенной кровлей, сети и рыбный садок, и тут же, конечно, мальчишка — помощник мельника, уже пристально уставившийся на мою особу. В деревне, где бы вы ни находились, даже когда вы уверены в полном своем одиночестве, за вами всегда наблюдает из-под холщового колпака пара любопытных глаз: работник бросает мотыгу, виноградарь выпрямляет согнутую спину, девочка, пасущая коз, овец или коров, взбирается на иву и подсматривает за вами»⁹. В этом описании показывается встреча двух разных и непересекающихся миров: парижанин изучает деревенский пейзаж, думая, что он находится в одиночестве, в это время деревенский житель изучает парижанина. Повествователь скорее дистанцирован и от одного, и от другого.

Противопоставление мира города и деревни показано по-иному в творчестве писателей-регионалистов первой трети XX в. «Вечные ценности» патриархальной жизни, замкнутой и самодостаточной, противопоставлены универсалистской городской культуре, которая показана как враждебная. Циклический ритм жизни со сменой времен года и видов работ нарушает событие: приезд городского жителя / жительницы. Происходящий вследствие этого разрыв деревенской традиции часто заканчивается трагически — смертью местного жителя / жительницы. Весь пафос литературы регионалистов был направлен на безусловное сохранение сельской культуры, пусть и застывшей в своем развитии. По мнению А.-М. Тьез, консервативная направленность этой литературы, усилившаяся к 1930-м годам, привела к тому, что движение было забыто, однако оно оказало влияние на коллективные представления французов [Thiese, 1988].

Гораздо более удачной попыткой изучить и популяризировать особенности местных, в первую очередь, сельских, культур, является научная и общественная деятельность Ж.-К. Бувье, Кс. Равье, Н. Пелена. Работа группы была особенно активной в 1980–1990-е

⁹ Бальзак О. Крестьяне. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/285736-2-onore-balzak-krestyane.html#text> (дата обращения: 02.05.2023).

годы и имела двойную цель: исследовать дискурс коллектива о себе самом и поддержать местные традиции как актуальную часть культуры. Этот вид дискурса получил обозначение этнотекст, который первоначально рассматривался как дискурс сельского коллектива (*discours qu'une collectivité (rurale) tient sut elle-même*), затем задачи были расширены. В настоящее время фонд этнотекстов составляет часть аудиоархивов Франции [подробнее: Загрязкина, Крюкова и др., 2021: 75].

Terroir, m

По данным А.Ж. Греймаса, лексема *terroir* впервые засвидетельствована в середине XIII в. в значении *территория, владение*¹⁰. *TLF фиксирует форму tieroir < лат. territorium < terra-* в тексте начала XIII в.¹¹ В соответствии с этимологом *terra-* — земля, слово обозначает владение землей, при этом в его историческом и современном значении отражается связь с человеческой деятельностью.

Согласно TLF, лексема имеет значение возделанной территории (*étendue de terre exploitée*) и обозначает земельный участок, принадлежащий сельскому коллективу: *ensemble de terres exploitées diversement par une collectivité rurale (совокупность земель, которые по-разному используются сельской общиной)*. Начиная с XVI в. фиксируется значение «вкуса вина определенной территории» (*gout du terroir (à propos d'un vin)*). С одной стороны, сохраняется идея территории, почва которой имеет определенные физические характеристики, влияющие на характеристики сельскохозяйственной продукции. С другой — появляется сема вкуса вина или другого продукта, обусловленного этими факторами. Отсылка к типу почвы со временем усиливается и приобретает терминологическую самостоятельность, прежде всего в сфере виноделия, при этом характеристики продукции могут быть не только специальными, но и обобщенно-сенсорными. Ср. у Бальзака: «*Cette nature de terroir explique le goût particulier du vin de Soulanges (Природа этой земли (terroir) объясняет особый вкус суланжского вина)*»¹². Таким образом, происходит переход от значения термина к значению локализатора региона.

Между тем эволюция слова имеет не только терминологическую направленность. Как показывают другие примеры TLF, развивается символическая коннотация словосочетания *gout du terroir (чувство*

¹⁰ Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P. 625.

¹¹ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française Informatisé (TLFi). URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/terroir#top> (дата обращения: 01.10.2023).

¹² Ibidem.

земли, *ressentir son terroir*), отсылающая к духовной связи человека и родной земли и отражающая привязанность к этому краю. Прием местной пищи описывается как знаковое действие, приобщение. Ср. пример из романа «У нас» писателя-регионалиста Ж. де Пескиду (J. de Pesquidoux, *Chez nous*, 1921): *Le jeune homme (...) goûte ce pain et ce vin qui ont la saveur de leur terroir* (Молодой человек пробует хлеб и вино, которые имеют местный вкус, букв.: вкус терруара). Выражение *goût de terroir* поднимается от обозначения особого вкуса до обозначения *особого чувства* — чувства земли, и лексема *terroir* становится идентификатором региона, его особенностей (*particularités rurales*), характера уроженцев и / или жителей (*caractère des personnes qui y vivent ou en sont originaires*). Все примеры, иллюстрирующие данное значение в TLF, имеют нейтральные или положительные коннотации: *être enraciné dans le terroir* (нустить глубокие корни в регионе), *avoir l'amour du terroir* (любить свой край / регион); *la France, terroir fertile en talents* (Франция — плодотворная почва для талантов) и др.

Между тем значение выражения *goût de terroir*, засвидетельствованное в общефранцузском словаре TLF, не совпадает с его значением в профессиональной винодельческой сфере. Так, в специализированном «Словаре языка виноделия», составитель М. Кутье, статья *terroir* начинается с примера *goût de terroir* (буквально: вкус земли) и сопровождается пометой, что в профессиональной среде оно используется редко. В словаре это объясняется «двусмысленностью» выражения: «... издавна это выражение обозначает неприятный вкус, обусловленный случайным попаданием в сосуд земли или посторонних субстанций»¹³. Таким образом, абстрактное и возвышенное значение *goût du terroir* (вкус земли, чувство земли) в профессиональном языке вытесняется конкретным, отрицательно окрашенным значением *неприятный привкус вина*. Эта эволюция подтверждается подборкой исторических дефиниций, зафиксированных во французских словарях XVI–XIX вв. Например, в словаре Фюртьера (1690) сообщалось следующее: «Говорят, что вино имеет вкус терруара, когда в нем есть что-то неприятное, идущее от природы/качеств земли, где произрастает лоза»¹⁴.

По мере совершенствования санитарных норм и развития производства в XX–XXI вв. проникновение чужеродного компонента в продукт стало практически невозможным, и коннотация *goût du terroir* как *неприятного, инородного (при)вкуса* как будто потеряла актуальность. И все же это выражение в профессиональной среде

¹³ Coutier M. Dictionnaire de la langue du vin. P., 2007. P. 408.

¹⁴ Ibidem.

энологов сохраняет сниженную коннотацию; *goût du terroir* утрачивает значение *оригинальных черт территории, проявляющихся в продукте*. Эта сема «отрывается» и «переходит» к другому профессиональному выражению *expression du terroir* (*выражение терруара*) в значении типических характеристик вина определенного региона без нежелательного привкуса¹⁵.

Культуры сыра и вина являются одной из характерных черт французского образа жизни, привлекающей внимание туристов. Неудивительно, что лексема *terroir* активно используется в современном туристическом дискурсе не только Франции, но и франкоязычных стран, в частности в рамках направления *tourisme du terroir* (региональный / местный туризм). Она фигурирует в названиях туристических офисов (*Maison du Tourisme et du Terroir*) и в описании маршрутов. В описаниях предложений турфирм лексема используется в двух значениях: как термин («термин “терруар” содержит наиболее важную характеристику климата и типов почвы, которые непосредственно влияют на производство и вкус вина») и как локализатор особенностей («некоторые регионы имеют больше «терруара», чем другие» / *certaines régions ont plus de “terroir” que d’autres*). Лексема *terroir* при этом заключена в кавычки, подобно цитате: «Каковы различные “терруары” Франции?» (*Quels sont les différents “terroirs” de France?*)¹⁶.

Изучение туристических сайтов Франции, Бельгии, Швейцарии, Марокко показывает, что большая часть контекстов с лексемой *terroir* рекламирует преимущественно гастрономическую сторону туризма. Типичная структура сайта, прежде всего, включает сведения о местных продуктах, сыре и вине, блюдах региональной кухни и гастрономических сувенирах. Вслед за этим представляются предметы народных промыслов; видовые фотографии в сочетании с ландшафтными и тематическими маршрутами; исторические строения. Предлагаются списки *терруаров* (*terroirs*) с указанием главных достопримечательностей, прежде всего также гастрономических: «Терруар Аквитании прежде всего известен своей гастрономией...»¹⁷ Достопримечательности иного характера часто (но не всегда) отодвигаются на второй план; таким образом, происходит конкретизация и «приземление» значения лексемы.

Между тем в ряде современных проектов развитие местного туризма, *tourisme du terroir*, рассматривается как часть обширной социально-экономической программы. Так, в программе *Tourisme*,

¹⁵ Coutier M. Op. cit. P. 408–409.

¹⁶ Quels sont les différents “terroirs” de France? URL: <https://www.tourisme-et-terroir.be/quels-sont-les-differents-terroirs-de-france/> (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁷ Ibidem.

produits de terroir et territoires de progrès dans les zones de la marge au Maroc, разработанной на факультете филологии и гуманитарных наук университета Кади Айад (Cadi Ayyad), Марокко, показывается, что местный туризм может стать ускорителем развития территорий. Примером является обустройство пригорода Марракеш, древней столицы Марокко¹⁸. В названии проекта содержится элемент языковой игры: следование друг за другом терминов *terroir* и *territoire* создает паронимический эффект, а вся синтагма приближается к скороговорке с чередованием согласных [t] и [r]: *tourisme, produits de terroir et territoires de progrès*. Такой заголовок привлекает внимание с точки зрения формы и содержания.

На протяжении всей истории своего развития лексема *terroir* ассоциировалась с результатом человеческой деятельности и осознанием этого результата. Деятельность могла развиваться в контексте абсолютного («вечный цикл» сельской жизни) и относительно времени (производство сельхозпродукции, в первую очередь винодельческой, что для культуры Франции немаловажно). Развитие лексем имеет множественную направленность как: а) термин¹⁹; б) пространственный локализатор; в) маркер идентичности. Как термин в составе фразеологизма *goût du terroir* лексема может иметь нейтральную (общезападный язык) и сниженную коннотацию (профессиональная энологическая сфера). Пространственный локализатор *terroir* обозначает местные особенности. Как маркер идентичности — это форс-слово, обладающее силой воздействия, возрастающей в определенных условиях (литературное движение регионалистов) и исчезающей в других. В современной туристической сфере лексема *terroir* используется лишь как пространственный локализатор, детерминирующий туристическую дестинацию и ее особенности, преимущественно гастрономические.

В заключение подчеркнем, что одним из дифференциальных признаков культурной идентичности являются представления его носителей о «своем пространстве», географическом и ментальном, и их отражение в языке.

Образ «своего пространства» маркируется и формируется при помощи форс-слов, обладающих длительной историей, отражающих ценности сообщества и на том или ином этапе обладающих силой

¹⁸ Andollah A. *Tourisme, produits de terroir et territoires de progrès dans les zones de la marge au Maroc*. URL: <https://slideplayer.fr/slide/1142422/> (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁹ В своем терминологическом значении лексема стала интеронимом (ср. *терруар* в русском языке). При заимствовании утрачивается эмоционально-окрашенная коннотация, свойственная французскому слову и связанная с переживанием говорящими связи с землей и культурой.

воздействия на говорящих. Форс-слова могут быть объединены в цепочки по смежности значений; отношения компонентов внутри цепочки и отношения между цепочками изменчивы. Можно выделить группы форс-слов, характеризующие разные представления французов о самих себе и о пространстве своей культуры. Первую составляют лексемы, ассоциированные с гражданским обществом (*Patrie — Nation — Etat / Contract, Drapeau; République*). Вторая реконструируется в данной статье как *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (*Края, Пейзажи, Участки земли, Деревни, [местные] Языки*). Компоненты, составляющие вторую цепочку, имеют дискретный характер: они отсылают к частной жизни человека, его отношению к родной земле, пейзажу как образу этой земли, локальной и семейной памяти.

Свойства форс-слов не являются раз и навсегда данными: в одних обстоятельствах происходит движение от конкретного и «приземленного» полюса к абстрактному и возвышенному, эмоционально окрашенному и идентифицирующему; в других — конкретизация и девалоризация форс-слова, утрата им силы эмоционального воздействия и способности быть маркером идентичности.

В предисловия к словарю *Dictionnaire culturel en langue française* А. Рей писал, что «в тысячелетнем теле языка» может «дремать», возникать, укрепляться или ослабевать «место силы» [Rey, 2005: XVI]. Это высказывание побуждает к продолжению исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928. С. 28–44.
2. *Бродель Ф.* Что такое Франция: В 2 т. М., 1994.
3. *Будагов Р.А.* Слова-ключи — Les mots-clés — Schlüsselwörter // Будагов Р.А. Язык и культура. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 3: Социолнгвистика и стилистика. М., 2002. С. 63–68.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на франкоязычных научных дискурсах) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 38–50.
5. *Загряжкина Т.Ю., Крюкова О.А., Невежина Е.А., Моисеева Д.П.* Франкофонные исследования. М., 2021.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
7. *Раевская М.М.* Базовые символы национального самоопределения в испанской лингвокультуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 67–78.
8. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
9. *Филиппова Е.А.* Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2010.
10. *Филиппова Е., Ле Торривелек К.* Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривелека. М., 2018. С. 126–140.

11. Шевлякова Д.А. Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 79–88.
12. Sachin F. Le paysage du peintre // Les lieux de la mémoire / Dir. de P. Nora. En 3 vol., 7 livres, V. II. La Nation. 1. Héritage, historiographie, paysages. P., 1986. P. 435–483.
13. Coutier M. Dictionnaire de la langue du vin. P., 2007.
14. Febvre L. Honneur et Patrie. P., 1996.
15. Ozouf M. Composition française: retour sur une enfance bretonne. Saint-Amand, 2009.
16. Rey A. Préface // Dictionnaire culturel en langue française / Dir. d'A. Rey: En 4 vol. P., 2005. Vol. I. P. III–XVI.
17. Thiese A.M. Le mouvement littéraire régionaliste (1900–1945) // Ethnologie française, nouvelle serie. T. 18. № 3. Régionalismes (juillet-septembre 1988). P. 220–232.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**ASPECTS OF CULTURAL IDENTITY OF THE FRENCH
THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF THE LEXEMES
PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the designations in the language of cultural references that form and reflect the sense of identity of its bearers. Among them is the image of “your own space”, which is marked and formed with the help of special words related to both language and culture. Taking into account the works of F. Brodel, P. Nora, R.A. Budagov, L. Febvre, A. Rey, M. Ozouf, etc., the concept of “force-words” (*mots-force / lieux de force*), having a long history, reflecting the culture and values of the collective, possessing emotional power and historically changeable, is substantiated. On the material of dictionaries, scientific, science fiction and fiction texts, Internet sites, two poles of representations of the Frenchmen about themselves are established. The first is marked by lexemes associated with civil society (*Patrie — Nation — Etat / Nation, Contract, Drapeau; République*). The second one is reconstructed in the article on the basis of the lexemes *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (plural) and is associated with the values of private life, the idea of the native land, local and family memory. Using the example of these lexemes, it is revealed that the nature of force words and the direction of their development are not data once and for all: in some circumstances, the identifying function of the word develops, in others, the force word weakens and loses its emotional impact and ability to be an identity marker.

Key words: French language; force-words; groups of force-words; native land; “national landscape”; terroir; village; cultural identity; collective representations

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2024) Aspects of French identity through the prism of language (using the example of the evolution of the lexemes *Pays-Paysages-Terroirs-Villages*). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 106–123. (In Russ.)

About the author: Tatiana Yu. Zagryazkina — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru.

REFERENCES

1. Askol'dov-Alekseyev S.A. 1928. Kontsept i slovo [Concept and word] // *Russkaya rech'. Novaya seriya*. [Russian speech. New series]. Vyp. II. Leningrad, pp. 28–44. (In Russ.)
2. Brodel' F. 1994. Chto takoye Frantsiya [What is France]. Moscow, in 2 vol. Vol. 1. (In Russ.)
3. Budagov R.A. 2002. Slova-klyuchi — Les mots-clés — Schlüsselwörter [Words-keys — Les mots-clés — Schlüsselwörter] // Budagov R.A. Yazyk i kul'tura [Language and culture]. Anthology, in 3 parts. Part 3. Sotsiolingvistika i stilistika [Sociolinguistics and stylistics]. Moscow, pp. 63–68. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2023. Dinamika simvolizatsii kultury: ot mest pamyati k mestam perehoda (na primere frankoyazychnyh nauchnyh diskursa) [Dynamics of cultural symbolization: from places of memory to places of transition (on the example of French-language scientific discourses)] // *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 38–50 (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu., Kryukova O.A., Nevezhina E.A., Moiseeva D.P. 2021. Frankofonnye issledovaniya [Francophonie studies]. Moscow. (In Russ.)
6. Popova Z.D., Sternin I.A. 2001. Ocherki po kognitivnoy lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh. (In Russ.)
7. Rayevskaya M.M. 2012. Bazovye simvoly natsional'nogo samoopredeleniya v ispan-skoy lingvokul'ture. [The basic symbols of national self-determination in the Spanish linguistic culture] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 67–78. (In Russ.)
8. Stepanov Yu.S. 2001. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow. (In Russ.)
9. Filippova E.A. 2010. Territorii kollektivnoy identichnosti v sovremennom frantsuzskom disкурse [Territories of collective identity in the contemporary French discourse]. Autoabstract of the thesis ... PhD in History. Moscow. (In Russ.)
10. Filippova E., Le Torrivellec X. 2018. Vvedenie [Introduction] // *Svoi i chuzhiye. Metamorfozy identichnosti na vostoке i zapade Evropy* [Own and aliens. Metamorphosis of identity in the East and West of Europe]. In E.I. Filippova and X. Le Torrivellec (ed.). Moscow, pp. 126–140. (In Russ.)
11. Shevlyakova D.A. 2019. Ideya Rima v formirovaniy natsional'noy identichnosti ital'yantsev [The idea of Rome in the formation of the national identity of the Italians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 79–88. (In Russ.)
12. Cachin F. 1986. Le paysage du peintre // *Les lieux de la mémoire* / In P. Nora (ed.). In 3 vol., 7 books, V. II. La Nation. 1. Héritage, historiographie, paysages. Paris, pp. 435–483. (In French)
13. Coutier M. 2007. Dictionnaire de la langue du vin. Paris. (In French)

14. Febvre L. 1996. *Honneur et Patrie*. Paris. (In French)
15. Ozouf M. 2009. *Composition française: retour sur une enfance bretonne*. Saint-Amand. (In French)
16. Rey A. 2005. *Préface // Dictionnaire culturel en langue française / In A. Rey (ed.): In 4 vol. Paris. V. I, pp. III–XVI*. (In French)
17. Thiese A.M. 1988. *Le mouvement littéraire régionaliste (1900–1945) // Ethnologie française, nouvelle serie. V. 18. № 3, Régionalismes (juillet-septembre 1988), pp. 220–232*. (In French)

Статья поступила в редакцию 13.09.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 13.09.2023;
approved after reviewing 25.09.2023;
accepted for publication 25.10.2023.